

Ю.П. Аверкиева

ИЗ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ИНДЕЙЦАМ КВАКИЮТЛЬ¹

Настоящая публикация представляет собой выдержки из статей и книг Ю.П. Аверкиевой, в которых приводятся материалы, относящиеся к ее экспедиции к индейцам квакиютль в 1930–1931 гг.

Юлия Павловна Аверкиева (1907–1980) в 1925–1929 гг. училась на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ. Среди преподавателей этого отделения были такие известные этнографы, как Л.Я. Штернберг и В.Г. Богораз, последний являлся научным руководителем Ю.П. Аверкиевой. Во время обучения в университете Ю.П. Аверкиева специализировалась на изучении народов Карелии и кроме курса по этнографии изучала немецкий, французский и финский языки, причем финским она овладела в совершенстве. Можно предположить, что, когда весной 1929 г. В.Г. Богораз привез несколько приглашений советским студентам для продолжения образования в Америке, именно ее способности к иностранным языкам, наряду с крестьянским происхождением и активным участием в комсомольской работе, стали главным фактором при утверждении Ю.П. Аверкиевой на стажировку в США. Ю.П. Аверкиевой в то время было только 22 года, и она поначалу стала отказываться от «чести» представлять советское студенчество в капиталистической Америке, но вышестоящими советскими и партийными органами ей было поручено оправдать возложенное доверие. Так как в США Ю.П. Аверкиева должна была выехать по студенческой визе, то ей пришлось отложить сдачу экзаменов и защиту дипломной работы и немедленно начать изучать английский язык. Тогда же был решен вопрос о её дальнейшей, после завершения стажировки, работе в МАЭ. Позднее Ю.П. Аверкиева писала: «По инициативе Боаса и В.Г. Богораз в 1929 г. был произведен первый обмен студентами между СССР и США. В США были посланы пять советских студентов, затем Боас направил к нам индейца Арчи Финнея, проходившего аспирантуру при Академии Наук СССР в Ленинграде. Боас живо интересовался русской литературой, изучал русский язык» [Аверкиева 1946: 102].

Уже в октябре 1929 г. Ю.П. Аверкиева приступила к занятиям под руководством Ф. Боаса в женском Бернارد колледже Колумбийского университета Нью-Йорка. Весной 1930 г. Ф. Боас предложил ей совершить совместную экспедицию к индейцам квакиютль на остров Ванкувер. По-видимому, к тому времени у Ю.П. Аверкиевой ещё не сложилось четкого представления о дальнейшей научной деятельности. Так, в письме на имя одного из своих университетских преподавателей – Н.М. Маторина, который в октябре 1930 г. стал директором МАЭ, – она спрашивала совета, нужно

¹Предисловие, подготовка к публикации С.А. Корсуна.

ли ей ехать в экспедицию к индейцам или нет [Нитобург 2003: 404]. Разумеется, что и Н.М. Маторин, и В.Г. Богораз в ответных письмах настоятельно рекомендовали Ю.П. Аверкиевой принять участие в экспедиции.

Ф. Боас относился к своей русской студентке с большой теплотой и даже с отеческой любовью. Так, летние каникулы, когда было закрыто общежитие Бернард колледжа, Ю.П. Аверкиева провела на загородной вилле Ф. Боаса в кругу его семьи. Вероятно, и саму экспедицию к квакиютлям 72-летний Ф. Боас организовал главным образом для Ю.П. Аверкиевой. К этому времени он уже совершил девять экспедиций к индейцам северо-западного побережья и вряд ли мог надеяться на сбор каких-то новых, оригинальных сведений. Всего в период с 1884 по 1923 гг. Ф. Боас совершил четырнадцать экспедиций, поездка с Ю.П. Аверкиевой стала его последней полевой работой [White 1963: 9–10].

В октябре 1930 г. Ф. Боас и Ю.П. Аверкиева были на месте – в индейском селении Форт Руперт на острове Ванкувер в канадской провинции Британская Колумбия. При пересечении канадской границы Ф. Боас выдавал Ю.П. Аверкиеву за свою внучку, так как у неё не было ни канадской визы, ни американского паспорта, который давал право на свободный въезд в Канаду.

В Форте Руперт проживал главный информатор Ф. Боаса – метис Джордж Хант. Их плодотворное сотрудничество началось еще в 1888 г. Д. Хант по разработанным Ф. Боасом программам проводил этнографические исследования, записывал индейские мифы и предания, собирал этнографические коллекции для Американского музея естественной истории в Нью-Йорке [Jonaitis 2000: 171–185] и даже являлся соавтором Ф. Боаса [Boas, Hunt 1902]. Необходимо отметить, что Д. Хант был состоятельным человеком. Его жена, Мэри Хант, а также еще одна богатая индеанка по имени Хемаходаугва стали главными информаторами Ю.П. Аверкиевой.

Ф. Боас поручил Джулии, как индейцы называли Ю.П. Аверкиеву, изучение так называемой «веревочной игры» на пальцах рук и сбор материала о конструируемых при этом веревочных фигурах. Этой работой Ю.П. Аверкиева занималась более трех месяцев и по её результатам подготовила рукопись объемом в 391 страницу, коллекцию из 102 веревочных фигур, а также большое количество их фотографий и зарисовок. Эта рукопись была опубликована только через шестьдесят с лишним лет [Averkieva, Sherman 1992]. Не забывала Ю.П. Аверкиева и о пополнении собрания МАЭ. Так, она собрала интересную этнографическую коллекцию по традиционной культуре квакиютлей, а также сделала серию фотографий. Ф. Боас занимался в основном сбором фольклорного материала, результатом его работы стало издание нового дополненного тома по мифологии квакиютлей [Boas 1935–1943]. Также в это время он вел переписку с Рут Бенедикт, в письмах к которой приводятся сведения о ходе экспедиции [Mead 1959]. Полевая работа Ф. Боаса и Ю.П. Аверкиевой продолжалась с октября 1930 г. до середины января 1931 г., в этот период они провели более двух месяцев в селении Форт Руперт и около двух недель – в селении Алерт Бей. На обратном пути в Нью-Йорк они посетили Оттаву, где Ю.П. Аверкиева познакомилась с коллекциями Национального музея человека.

В СССР Ю.П. Аверкиева возвратилась в мае 1931 г. Она сразу же сдала выпускные экзамены и получила диплом об окончании университета. В июле Ю.П. Аверкиева была зачислена в аспирантуру от МАЭ, а в августе принята на работу в МАЭ в должности научного сотрудника. Среди других сотрудников, не только отдела этнографии народов Америки (С.А. Ратнер-Штернберг, Э.В. фон Зиберт, Н.Г. Шпринцин, А.В. Мачинский), но и всего коллектива музея, Ю.П. Аверкиева выделялась относительно высокой теоретической и практической подготовкой. Это позволило ей в дальнейшем стать уникальным для нашей страны специалистом по этнографии коренных народов Северной Америки. По результатам своей работы она опубликовала шесть монографий [Аверкиева, 1941, 1960, 1961, 1970, 1974, 1979] и более семидесяти статей, докладов и рецензий. При этом необходимо учитывать, что свою главную задачу Ю.П. Аверкиева видела в критике «буржуазной» этнологии и в применении теории исторического материализма к изучению культур первобытных народов, в частности американских индейцев.

Несмотря на большое количество публикаций, свои экспедиционные материалы по квакиютлям Ю.П. Аверкиева в виде отдельной статьи или отчета так никогда и не опубликовала. Как представляется, на это были серьезные причины. Во-первых, Ю.П. Аверкиева въехала на территорию Канады без визы, и этот факт вряд ли нужно было лишним раз афишировать. Во-вторых, Ю.П. Аверкиева с явным удивлением обнаружила, что среди индейцев были довольно богатые люди. Так, она упоминает об индейце, который заплатил за медную пластину 7000 одеял, стоимость которых равнялась 7000 долларов. Как серьезный исследователь она не могла замалчивать этот факт, в то время опубликовать такие сведения было невозможно, так как в советской печати все индейцы представлялись бедными, бесправными и угнетенными. В третьих, и самое главное, значительная часть полевых материалов Ю.П. Аверкиевой посвящена описанию церемониальных празднеств квакиютлей – потлачей, которые она наблюдала, находясь среди индейцев. В то время проведение потлачей было запрещено канадскими законами, за участие в них предусматривалось уголовное наказание. Если бы в начале 30-х гг. Ю.П. Аверкиева опубликовала свои наблюдения, то они явились бы письменными свидетельствами нарушения индейцами канадских законов. Поэтому основную часть полевых материалов она опубликовала только через тридцать лет в виде небольших отрывков в нескольких работах.

В настоящем издании эти материалы разбиты по темам и озаглавлены. Соединенные вместе эти данные образуют нечто вроде полевого дневника. Они представляют интерес не столько для изучения традиционной культуры квакиютлей, сколько для истории этнографической науки в России. Напомним, что Ю.П. Аверкиева была единственным советским этнографом, проводившим полевые исследования среди индейцев в послереволюционный период.

Что касается других публикаций Ю.П. Аверкиевой, то их наиболее полный перечень дан в статье Э.Л. Нитобурга [Нитобург 2003]. Укажем лишь те из них, которых нет в его работе. В течение всей научной

деятельности Ю.П. Аверкиева публиковала рецензии на монографии американских исследователей. В «Библиографии трудов Института Этнографии» указано четырнадцать таких рецензий [Библиография...: 23, 54, 209–210, 217–218], а также даны ссылки на тезисы ее докладов и выступлений [Библиография...: 21, 25]. В 60–70-е гг. Ю.П. Аверкиева публиковала рецензии на страницах журнала «Советская этнография». В некрологе Ю.П. Аверкиевой в числе ее работ, сданных в печать, упоминается статья «Зять – наследник у индейцев квакиютль» [Некролог...: 182], найти которую не удалось. В 1978–1979 гг. Ю.П. Аверкиева принимала участие в работе советско-американского симпозиума по древним культурным связям населения Сибири и Северной Америки. Ее доклад, прочитанный на этом симпозиуме, был опубликован уже после смерти автора [Аверкиева 1981: 142–149]. Наконец только в 1990 г. вышел из печати каталог этнографической коллекции А.К. Этолина с территории Русской Америки из собрания Национального музея Финляндии, подготовленный к изданию еще в конце 70-х гг. авторским коллективом в составе П. Варьелы, Ю.П. Аверкиевой и Р.Г. Ляпуновой [Varjola, Averkíeva, Liapunova 1990].

Также необходимо отметить, что Ю.П. Аверкиева пыталась познакомиться с работами Ф. Боаса советских ученых, опубликовав в журнале «Советская этнография» два перевода его статей [Боас 1933, 1935]. На смерть своего американского учителя она откликнулась статьей, в которой подробно осветила вклад Ф. Боаса в развитие этнографической науки [Аверкиева, 1946].

Введение

«Непосредственными соседями цимшиян с юга являются индейцы квакиютли, занимавшие еще в середине XIX в. всю северную часть острова Ванкувер и противоположащее побережье материка до Дуглас Чаннел на севере. К началу колонизации побережья европейцами (к концу XVIII в. – С.К.) численность квакиютлей предположительно достигала 57–58 тыс. человек. В 1885 г. их насчитывалось только около 3 тыс. В настоящее время (середина XX в. – С.К.) остатки племени численностью около 2 тыс. человек сосредоточены в небольших поселках на северо-востоке острова Ванкувер в Британской Колумбии (Канада) <...>

Это было племя рыболовов и морских охотников. Рыболовство было главным источником средств существования квакиютлей. Техника его, несмотря на каменный век, в котором жили еще квакиютли, достигла у них, как и у соседних племен, высокого уровня развития не только в методах непосредственной добычи рыбы, но и в способах ее переработки и консервирования. Лососи, служившие “хлебом насущным индейцев”, добывались и запасались в больших количествах, обеспечивавших не только существование самих производителей в течение зимних месяцев, но и накопление значительных избытков, шедших на продажу. Охота давала индейцам мясо, разнообразившее их рыбный рацион, а также меха, игравшие большую роль в их жизни. В большом количестве индейцы собирали и запасали ягоды, дикие фрукты и корнеплоды.

На этой производственной основе у квакиютлей сложилась оригинальная самобытная культура, расцвет которой падает на столетия, предшествовавшие колонизации.

Характерными чертами их общественной жизни были патриархальное рабство, распад материнского рода и становление патриархальных отношений. С началом колонизации края наблюдается кратковременный расцвет их культуры, сменившийся в последние десятилетия XIX в. периодом ее заката и трудного приспособления к условиям капиталистической эксплуатации.

Исследования культуры и общественной жизни квакиютлей занимают выдающееся место в мировой этнографической литературе благодаря работам крупнейшего этнографа США Ф. Боаса» [Аверкиева 1961: 47].

«В прошлом это были племена оседлых рыболовов и охотников, достигших довольно высокого уровня развития культуры. Теперь их рыболовные угодья находятся в руках различных рыболовных компаний. Индейцам запрещено ловить рыбу во время наибольшего ее хода, им остаются зимние и осенние месяцы, когда рыбы уже мало. Средства к существованию дает им работа по найму в развитой здесь рыбной промышленности. Индейцы нанимаются на консервные фабрики со своими маленькими (на одного-двух человек) моторными лодками. Не имеющие лодок используются на консервных заводах на самой тяжелой работе. Индейцев-рыбаков назначают в самые опасные места ловли; считается, что “индеец добудет рыбу там, где ее никто не добудет”. Летом и женщины нанимаются на фабрики на очистку рыбы и упаковку консервов. Большое число индейских женщин работает в услужении у многочисленного белого населения. Охотой и звероловством занимаются очень мало, даже ловля и заготовка лосося для собственного потребления зимой, практиковавшиеся на побережье еще в 1931 г., теперь почти оставлены, что свидетельствует о полной зависимости индейцев от покупных продуктов, приобретаемых в лавках компаний. Подсчитано, что больше половины самостоятельного населения среди индейцев Британской Колумбии работает в рыбной промышленности и только 17 % заняты на лесозаготовках, в горнодобывающей промышленности, на транспорте (главным образом водном) и в обслуживании. Индейские ремесла пришли в упадок, совсем незначительный доход дает резьба из дерева моделей тотемных столбов и из нефрита – различных индейских безделушек. Однако сами индейцы ставят на могилах маленькие мраморные тотемные столбы, изготавливаемые фабричным способом <...>

Индейцы расселены по небольшим самостоятельным деревням, расположенным всегда у воды. Жилищем служат небольшие дощатые хибары, у богатых индейцев – каркасные дома. В каждой деревне можно увидеть развалины старых больших общинных домов. Иногда сохранился и весь дом, служащий теперь местом всех праздничных сборищ жителей деревни. Если в деревне не было старого большого дома, то специально сооружался общественный дом <...>

Старинные обычаи и обряды индейцев сохранились в незначительной степени и в пережиточной форме или почти ушли в область прошлого» [Аверкиева 1959: 342–343].

Рыболовство

«В устьях рек лососи ловятся с помощью сетей, сплетенных из волокон крапивы. Ловля сетями производится с двух лодок, между которыми она натягивается. Сейчас ловля производится почти исключительно с помощью сетей и в значительном количестве употребляются моторные лодки. Кроме лосося, играющего главную роль в существовании индейцев, большое значение имеет палтус; он ловится почти круглый год, правда – зимой в незначительных количествах. Его ловят с помощью специально для этого изготовляемых деревянных крючков, насаженных на веревку из крапивы. Нутка и квакиютль гнут крючки из распаренного дерева; на севере употребляется крючок в форме острого угла, тоже из дерева, орнаментируется резьбой и заканчивается острым костяным наконечником с наживленным червячком. Квакиютли опускают в воду крючки парами» [Аверкиева 1941: 24].

Земледелие

«После захвата побережья белыми были попытки привить индейцам земледелие, но они окончились неудачей. Правда, первое время некоторые индейцы начали было выращивать картофель на маленьких огородах около дома, но и эта культура уже оставлена лет 20 тому назад. Мне указывали лишь места, поросшие густой травой, где были огороды. Несмотря на неудачу, канадское правительство до сих пор не оставило еще надежды сделать индейцев Британской Колумбии земледельцами. Теперь оно пытается насаждать земледелие через индейские школы. Например, около школы в поселке Алерт-Бей, на маленьком острове в проливе между материком и островом Ванкувер разведен опытный огород, где дети, работая, якобы получают опыт в сельскохозяйственном деле, на самом же деле это одна из форм эксплуатации детей» [Аверкиева 1941: 26–27].

Престижные ценности

«Многочисленные свидетельства указывают на то, что медные украшения были редкой наследственной драгоценностью семей вождей, знатных и богатых индейцев, своеобразной эстетической формой сокровища. С приходом европейцев медные украшения были вытеснены серебряными и золотыми» [Аверкиева 1959а: 71].

«С медью связывается целый ряд поверий. По представлениям квакиютлей, например, медь кладет конец хорошим и плохим делам, болезням и пр. Она останавливает ход рыбы, если медным ножом отрезать голову рыбе. Если на удочку рыбака попадают все ерши, то стоит одному из них отрезать голову медным ножом, как ни один ерш не коснется больше крючка. Если пуповину ребенка отрезать медным ножом, женщина больше не родит. В Форт Руперт индейка Мяги Хонт сообщила автору этих строк, что прикосновение медной пластины к спине женщины вызывает бездетность» [Аверкиева 1959а: 78].

«С появлением на побережье европейцев медные украшения, орудия и оружие были вытеснены фабричными изделиями. Но медные пластины, как своеобразная форма индейских сокровищ, сохранялась у квакиютлей до начала XX в. <...>

Медные пластины квакиютлей были особым товарным эквивалентом, уже не имевшим потребительской стоимости. Фактическая их стоимость к концу XIX в., как отмечал Боас, была “равна нулю”. Они были общественным выражением превращенного в богатство излишка потребительных стоимостей, своеобразной формой сокровища, сложившейся в недрах разлагающегося родового общества. Поэтому эти сокровища носили двойственный, противоречивый характер; они несли на себе еще черты тотемно-родовой традиции, будучи в то же время выражением частных богатств.

Медные пластины фактически были уже частной собственностью родового вождя, но считались в то же время неотчуждаемой собственностью рода. Наследовались они как бы по женской линии, переходя от тестя к зятю. Медная пластина была непременной частью передаваемых тестем зятю богатств. Об этом говорится в записанных мною биографиях женщин Форт Руперт: каждая свадьба обязательно сопровождалась передачей медных пластин тестем зятю. <...>

Так, и действительная торговля медными пластинами – явление позднее, возникшее после появления европейской меди на побережье, и объектами этой купли-продажи были пластины, изготовленные из европейской листовой меди; наряду с ними старые пластины из местной меди оставались неотчуждаемой семейно-родовой собственностью. Пластины из импортной меди стали играть также роль платежного средства. Более широкий круг индейцев стал обладателем этих пластин.

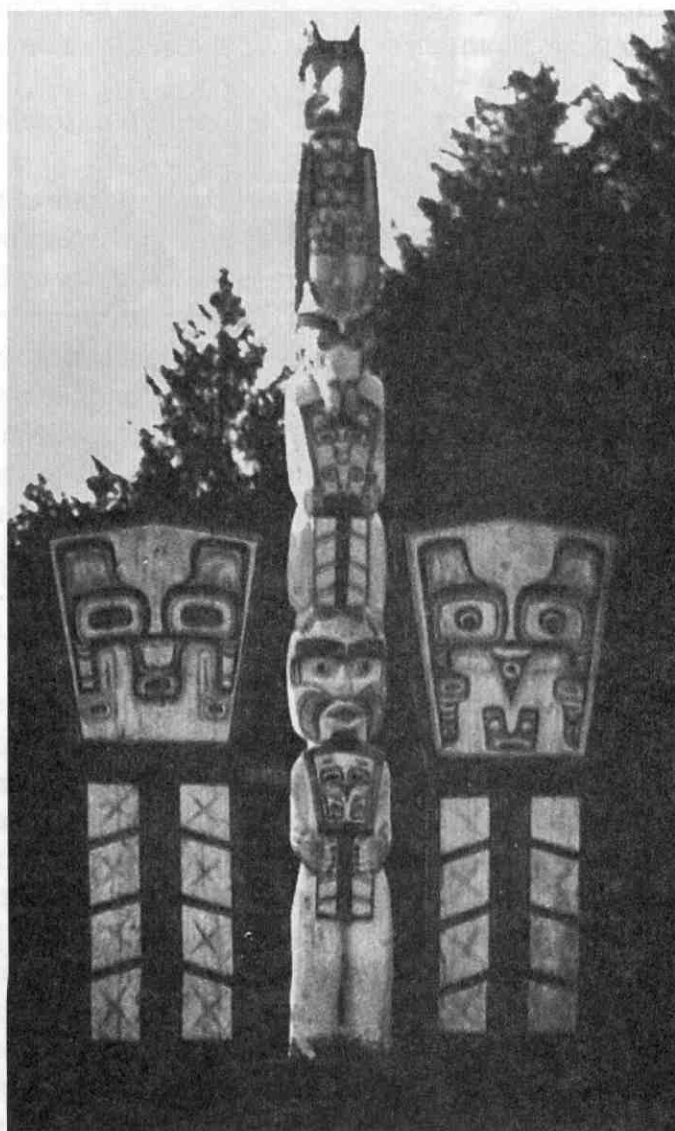

Рис. 1. Надгробный памятник вождя квакиютль – тотемный столб, по боковым сторонам от которого стоят, вырезанные из дерева «медные пластины». Селение Алерт Бей. Фото Ю.П. Аверкиевой № И-2201 / 3.

В этот же период могла возникнуть и практика разламывания медных пластин, бросания их в море, огонь. Обесцененные пластины прибывали к домовым столбам, тотемным и надгробным памятникам их собственников. В 20-х гг. XX в. медные пластины квакиютлей были конфискованы канадским правительством. В 1931 г. я видела их на складе национального музея в Канаде. Индейцы заменили их деревянными копиями, которые прибывали к надгробиям их собственников. В 1930–1931 гг. мне удалось сфотографировать несколько таких надгробий» (Рис. 1), [Аверкиева 1961: 87–89].

«Во время нашей экспедиции к квакиютлям с проф. Ф. Боасом в 1930–1931 гг. мы видели деревянные кинжалы, которыми индейцы пользовались при обрядовых плясках. Индейцы рассказывали нам, что раньше подобные кинжалы изготовляли из меди, потом из железа, а теперь копии их делают из дерева, и они имеют лишь обрядовое значение» [Аверкиева 1959а: 69].

Женские ремесла

«Среди женщин выделялись искусные корзинщицы, ткачихи накидок и циновок. В зимние дни искусная ткачиха почти заканчивала одну накидку за день. Одна из женщин ткала за зиму от 20 до 30 накидок и продавала их по 1 доллару за штуку. Некоторые женщины славились своим мастерством. В Форте Руперт мне рассказывали о женщине из Кинком Инлет, которая некогда славилась как искусная корзинщица, сплетавшая две большие корзины даже в летний день, когда женщины обычно особенно заняты собиранием различных видов растительной пищи или консервированием рыбы. Но именно летом и спрос на корзины был наибольшим.

В 30-х гг. XX в., как говорили мне мои информаторы (Рис. 2),² ткачество и плетение корзин пришли в упадок. «Ныне мало кто знает, как плести корзины», «мы пользуемся теперь эмалированной посудой», – говорили они» [Аверкиева 1961: 85].

«В большом употреблении были также медные маленькие пластинки (длиной 2–6 см, шириной 1–2 см); ими обшивали подол обрядового передника вождя и его детей, надевавшегося в торжественных случаях. Описание такого передника читаем у ряда ранних авторов. Еще в 1930 г. мы видели такой передник у индеанки племени квакиютль, дочери Георгия Хонта в Форт Руперт» [Аверкиева 1959а: 71].

Тотемизм

«Тотемизм у квакиютлей, как и у их северных соседей, находился к концу XVIII в. уже на той стадии, когда почитанием окружалось не само животное – эпоним, а его изображение на масках (Рис. 3), домовых и тотемных столбах, на фасадах домов, на сундуках для хранения родовых

²Индийские женщины Форты Руперт Хемаходаюгва и Мэри Хонт были главными моими информаторами тогда, и если они живы, то я приношу им глубокую благодарность за гостеприимство и помощь.

регалий, на больших общинных блюдах <...> В описаниях празднеств квакиютлей, содержащихся в их преданиях, всегда указывается, перед гостями из какого рода какое блюдо ставится. Во время нашего пребывания там в 1930 г. в Форт Руперт и вдоль улиц Алерт Бея стояло еще несколько резных тотемных столбов (Рис. 4, 5). В связи с переселением индейцев в маленькие односемейные дома в них не было уже места для огромных резных столбов, поддерживавших некогда балки большого дома. Наиболее интересные произведения этого искусства стояли тогда на кладбище, на могилах родовых вождей и членов их семей (Рис. 6). Это были памятники не только умершим людям, но и умирающему искусству народа.

В нескольких местах Форт Руперт одиноко стояли старые, покрытые резьбой столбы разоренных уже старых общинных домов. Я сфотографировала, например, четыре столба родового дома Куквакум-гуэтола. На каждом из двух столбов, стоявших некогда по сторонам от входа в дом, изображен был сидящий на земле медведь-гризли, на голове которого стояло изображение мифической женщины Цоноки (Рис. 7, 8). На каждом из задней пары столбов на скульптуре медведя изображена сидящая на голове медведя мифическая птица, клюв и крылья которой были уже отломаны (Рис. 9, 10). Эти изображения вместе с блюдами-цонокой, -медведем-гризли, -китом и -касаткой вождь рода Куквакум получил от своего тестя, вождя родовой общины Мемагине-квексутенох. Однако интересно сопоставить тотемные изображения Куквакум-гветла и Куквакум-комойю <...> Нам представляется не случайным наличие изображений медведя-гризли в обеих родовых общинах. По-видимому, это собственный тотем рода Куквакум, который при расколе его на две родовые общины стал называться в одной из них Морским медведем-гризли, а в другой просто Медведем-гризли (Рис. 11). В тех случаях, когда изображались тотемы рода отца и рода тес-

Рис. 2. Индеанка Хемаходаюгва, селение Форт Руперт. Фото Ю.П. Аверкиевой (№ И-2201/60).

Рис. 3. Индейка в церемониальном головном уборе, передняя панель которого вырезана в виде головы ворона. Фото Ю.П. Аверкиевой (№ И-2201 / 55).

Рис. 4. Главная улица в селении квакиютлей Алерт Бей.

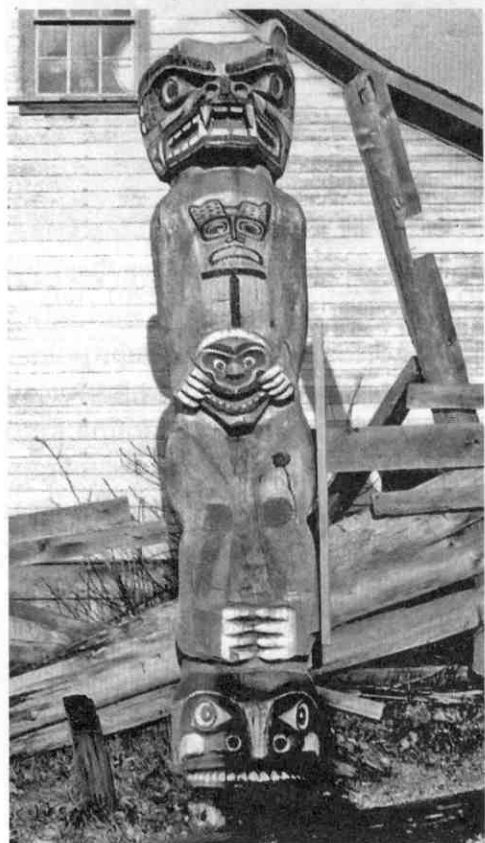

Рис. 5. Тотемный столб перед домом в селении Алерт Бей. Фото Ю.П. Аверкиевой (№ И-2201 / 49).

Рис. 6. Тотемный столб на могиле вождя, селение Алерт Бей. Фото Ю.П. Аверкиевой (№ И-2201 / 2).

Рис. 7. Резной столб разрушенного общинного дома в селении Форт Руперт с изображением медведя-гризли, на голове которого стоит фигура мифической женщины Цоноки. Фото Ю.П. Аверкиевой (№ И-2201 / 45).

Рис. 8. Нижняя часть резного столба.
Фото Ю.П. Аверкиевой (№ И-2201 / 47).

Рис. 9. Резные опоры старинного дома в селении Форт Руперт. Фото Ю.П. Аверкиевой (№ И-2201 / 44).

Рис. 10. Изображение орла на верхней части резного столба, селение Форт Руперт. Фото Ю.П. Аверкиевой (№ И-2201 / 29).

тя, знаки первого всегда изображались внизу, а второго над ними» [Аверкиева 1961: 71–72].

Социальная организация

«В основном вождь рода или поселка нес исполнительные функции; в его обязанность входило объявлять войну, заключать мир, объявлять время смены зимних работ летними, время выезда на рыбалки. Перед чужестранцами он выступал в качестве представителя своего народа. Место вождя было наследственным в пределах одной семьи, оно переходило к его наследнику вместе с его именем и со всем имуществом. У квакиютлей Форты Руперт самым почетным именем вождя было *Laqwagila* (что означает “делатель меди”)» [Аверкиева 1941: 32] (Рис. 12).

«У квакиютлей мы видим яркий пример того, как распад первобытных отношений и формирование новых, классовых отношений нашли свое выражение и в социально-экономической дифференциации между родами внутри территориальных общин и между различными родоплеменными подразделениями. Роды богатых стояли на вершине социальной лестницы, а внизу находились бедные и малочисленные родовые общины. О некоторых родовых общинах говорилось, что они не имели славных предков или что их предки были рабы, поэтому для них якобы было честью жить в домах знатных родов. В Форте Руперт такими родовыми общинами считались Эльгунве, Хааликьяе, Хаимедо, Тлякса. Браки с членами этих родов считались зазорными для уважающих себя людей.

Территориально-родовые общины квакиютлей, так называемые гьёкулоты, также занимали различные места в обществе, что проявлялось в порядке их угощения и одаривания на потлачах. Жители Форты Руперт занимали первые четыре места. На всех пирах и потлачах на первом месте были гуэтола, на втором – комойю, на третьем – уалас квакиютли, на чет-

Рис. 11. Нижняя часть резного столба с изображением головы медведя-гризли. Фото Ю.П. Аверкиевой (№ И-2201 / 32).

Рис. 12. Глава одного из домохозяйств селения Форт Руперт – Джордж Хант. Фото Ю.П. Аверкиевой (№ И-2201 / 64).

слеживаются три этапа в развитии их погребального обряда: первый – сжигание трупа и личных вещей умершего и установка ящика с костями на дереве; второй этап – установление ящика с трупом на дереве, сжигание личных вещей умершего или развешивание их на дереве, или раздача; и третий этап – захоронение в землю, вошедшее в практику под влиянием миссионеров.

Установление ящика с трупом на дереве практиковалось в середине XIX в. еще у всех групп квакиютлей. Даже во время нашего посещения Форта Руперт можно было видеть в густых зарослях на верхушках деревьев почерневшие и разваливающиеся от времени ящики, из которых выпадали черепа и кости. Однако в это время останки предавались уже земле, а сами похороны сопровождалась церковным обрядом, хотя наряду с этим соблюдались еще и старые обряды погребения. Обмытый труп одевали в европейский костюм, но поверх его заворачивали в одеяла. Приготовлен-

вертом – комкьютес. За ними следовали мамалелекала, нимкиш, тляуицис, тенахтох и т.д.» [Аверкиева 1961: 97].

«Еще в 1930 г. в Форт Руперт мне приводили следующие примеры, свидетельствовавшие о былой экзогамности квакиютлей. Хетлямас, один из вождей наквакток, женился на своей кузине, т.е. на дочери сестры своей матери. Но информатор тут же подчеркнул, что мать Хетлямаса и мать его жены были сестрами лишь по отцу, но имели разных матерей. Не было случаев женитьбы дяди на племяннице. Известен брак между двумя кузенами – дочерью сестры и сыном брата, имевших разных матерей» [Аверкиева 1961: 99].

Погребальные обряды

«В погребальных обрядах квакиютлей много общего с обрядами северных племен. Как и у последних, обряд погребения у квакиютлей совершал род отца. На материалах различных групп квакиютлей про-

ное таким образом тело выносили из дома через окно, ибо, по повериям индейцев, вынос покойника через дверь может повести к тому, что за ним вскоре последует вся семья. В гроб труп клали дома и устанавливали его на некоторое время в церковной пристройке, где с умершим могли проститься все желающие. На второй день покойника хоронили. После похорон, как правило, на четвертый день, все участники собирались в общинном доме для поминок. Прежде, когда умирал вождь квакиютлей, то на погребение его приглашали жителей окрестных селений. При этом о почетном и уважаемом вожде говорилось, что он слишком тяжел, чтобы быть погребенным своим селением (гъёкулот)» [Аверкиева 1961: 77–78].

Потлач

«В общественной жизни квакиютлей всюду проявлялось переплетение и борьба начал общинной и частной собственности. Как и у других племен побережья, в их институтах мы видим, как возникавшая частная собственность вступала “в противоречие с более древним способом общественного присвоения”. Это противоречие с особенной наглядностью проявлялось в институте потлача. Как и у северных племен, сущность потлача квакиютлей сводилась к публичной демонстрации и раздаче собранных индейцами сокровищ. Это была своеобразная форма перераспределения сокровищ, обставляемая сложным ритуалом» [Аверкиева 1961: 115].

«Подарки (на потлаче. – С.К.) раздавались обычно соответственно состоянию присутствующих. Еще в 1930 г. мне приходилось видеть, как вождь вместе с женой раскладывали на камешках, кому сколько дать и все это записывалось в особую тетрадь.

Во время моего пребывания на о-ве Ванкувер у племени квакиютль в 1930–1931 гг., мне приходилось наблюдать потлачи. Это было далеко уже не то, что описано выше. Потлачи были запрещены канадским правительством и “королем Георгом”, как говорят индейцы, а потому происходили втайне, в деревушках, наиболее отдаленных от правительственного агента. Как уже отмечалось, раздавались на потлачах, главным образом шкуры, позже фабричные шерстяные одеяла, которых накапливалось до тысячи и более. Но часто вместо одеял вождь “продавал” медную пластинку, которая являлась представителем одеял. Это были своеобразной формы пластины, сделанные из местной меди с изображением тотема на лицевой стороне, и являвшиеся “заменителями” своего рода “банкнотами”, натурального богатства. Каждая пластина имела свое имя, связанное с изображенным на ней тотемом и никогда не менявшееся. Количество пластин было ограниченное и все они были на учете благодаря их именам. Употреблялись они только на потлачах. Иметь медные пластины могли только очень богатые индейцы, так как стоимость их была высока, некоторые из них стоили от 4 до 6 рабов. После прихода белых они стали оцениваться в одеялах. Ценность каждой пластины возрастала вместе с увеличением числа проделанных ею оборотов. Так, если один вождь купил ее за 500 одеял у другого, то третьему он продал ее за 800–1000 одеял. Таким

Рис. 13. Индейцы во время потлача в селении Форт Руперт. Фото Ю.П. Аверкиевой (№ И-2201 / 15).

чаях на 100. Некоторые раздавали деньги. “Подарки” были разные: по 1 доллару, по 20, 30, 50 центов, в зависимости от состояния одариваемого. Раздавали ситец, сатин, мотки шерсти, тазы, чашки, особенно была в ходу стеклянная посуда (Рис. 13). Перед потлачем в кладовой семьи можно было видеть горы такой посуды, часть которой была получена на других потлачах, в хозяйстве она не употреблялась, а откладывалась и накапливалась для своего потлача. Одна женщина уже второй год плела корзины, их у нее было уже до 20, и все они предназначались для раздачи на потлаче. Другая вязала шерстяные шарфы; муж ее был “большим вождем” (конечно, номинально), и они должны были устроить большой потлач.

Но на потлачи теперь не смотрели как на что-то совершенно необходимое. Старая социальная система уже настолько пришла в упадок, что этот институт существует лишь как пережиток и не имеет того социального значения, какой имел раньше» [Аверкиева 1941: 51–52].

«На потлачах собственники раздариваемых богатств появлялись перед гостями с медной пластиной, прижатой к груди. Раздаваемое же имущество объявлялось как номинальная стоимость демонстрируемой медной

образом ценность отдельных пластин доходила до 1200–2000 одеял. Ко времени моего приезда на побережье все пластины индейцев были конфискованы правительством и отвезены в Оттаву, где я их видела позже валявшимися в складе Оттавского музея. Индейцы были в большом возмущении. Была послана делегация, но она до Оттавы не доехала, так как была возвращена обратно уже из г. Онтарио. Продажи одеял в больших количествах также уже не было. Да и сами индейцы, лишившись охотничьих и рыболовных угодий, настолько обеднели, что могли покупать шерстяные одеяла только для постели. Таким образом, были подорваны основы потлачей. В 1930–1931 гг. потлачи были очень малочисленны – присутствовало человек 20–30 самое большое и раздавалось на них имущества долларов на 20–50, в редких случаях на 100.

пластины. Таким образом, в ней как бы фиксировалась стоимость отчуждаемого через потлач богатства» [Аверкиева 1959а: 75].

«Устройство потлачей обходилось индейцам дорого, учитывая громадные количества пищи, которая подалась и раздавалась во время празднеств. Обычно еды давалось значительно больше, чем гости могли съесть, не съеденное на пиру, гости уносили с собой. В легендах гостей угощают вяленным мясом с жиром, тюленьим мясом, мясом горных коз, юколой, ягодами и прочими съестными припасами, характерными для того периода. Самыми роскошными считались угощения тюленьим мясом. После прихода европейцев вошли в употребление масло, чай, сахар, конфеты, галеты, мука и особенно фрукты (яблоки, мандарины, виноград). На потлачах 30-х гг. XX в., на которых присутствовал автор, угощали белым хлебом с маслом, вареньем, раздавали яблоки по 50–100 штук, а мандарины дарились целыми ящиками. Наряду с этими ввозными продуктами сохранились еще и старые виды пищи. Угощали, например, юколой с рыбьим жиром. Однажды подавали виноград, посыпанный сахаром и залитый рыбьим жиром. Он заменял национальное индейское блюдо – ягоды с рыбьим жиром.

На долю автора настоящей работы выпало наблюдение потлача уже на его закате. Потлачи были запрещены правительством с 1888 г.,³ многие индейцы сидели уже несколько раз в тюрьме за нарушение закона. Потлачи устраивались тайно, очень скромных размеров и в отдаленных, глухих уголках индейской резервации. Например, на потлаче, устроенном в одном селении в декабре 1930 г., были розданы мелкими монетами 20 долларов; на другом потлаче, устроенном через несколько дней, устроитель его роздал 100 долларов. Монеты были удобным объектом раздачи, менее привлекавшим внимание посторонних, чем раздача громоздких вещей. Стали практиковаться такие потлачи, когда гостей из другого селения не приглашали в селение устроителя, а сородичи его объезжали эти селения и развозили подарки. При этом велась своеобразная бухгалтерская книга, кому сколько дано. Книга эта предназначалась для того, чтобы никого не пропустить и отчитаться перед хозяином, т.е. устроителем потлача. Раздавались таким путем обычно деньги. Однако наряду с денежными монетами в большом ходу была еще стеклянная, эмалированная и алюминиевая посуда. При этом характерно, что посуда, раздаваемая на потлачах, в хозяйстве не употреблялась, а накапливалась к следующим потлачам, и в кладовых индейцев, я видела, собирались горы различной посуды. Часто одна миска, побывавшая во всех домах селения, возвращалась к своему первоначальному владельцу и вновь шла в оборот. Готовясь к потлачу, одна индейка плела десяток корзин, другая вязала шерстяные шарфы. Таким образом, часть сокровищ индейца сохраняла еще натуральную форму. Но в силу традиции индейцы и денежные суммы, раздаваемые на потлачах, оценивали количеством одеял, которые можно было на эти деньги купить, а еще раньше, как и у тлинкитов, раздаваемое на потлаче количество одеял оценивалось количеством рабов» [Аверкиева 1961: 199–120].

³Это запрещение было записано в специальном индейском законодательстве, так называемом «Индейском акте», основные положения которого были приняты в 1888 г. Нарушение запрета считалось уголовно наказуемым преступлением.

«В конце XIX в. 100% -ный заем стал обычным на все ссуды и почти все индейцы были связаны друг с другом долговыми обязательствами. В результате создалось такое положение, что количество богатства, на которое претендовали отдельные индейцы, в несколько раз превосходило средства, бывшие в их распоряжении. Боас много раз советовал индейцам списать свои долги. В частности, в 1930 г., когда мы были с ним в Форт Руперт, там был устроен исключительно мужской потлач для обсуждения вопроса о долгах. Характерно, что, когда я спросила индейца, одного из участников этого потлача, почему на него не допустили женщин, то он сказал, что при обсуждении долгов мужчины употребляют “тяжелые слова”, которые нехорошо слышать женщинам» [Аверкиева 1961:121].

Свадебный потлач и брачные нормы

«Потлачи, на которых раздавалось приданое жены, отличались, как уже отмечалось выше, большим разнообразием раздаваемых вещей. Кроме одеял, а раньше рабов и мехов, на них раздавались всевозможные предметы утвари; до прихода европейцев это были блюда, циновки, деревянные ящики, корзины, сундуки и пр. Позднее наряду с туземными предметами в приданое стали входить шелковые платья и платки, золотые и серебряные украшения, швейные и стиральные машины, стеклянная и эмалированная посуда, отрезки бязи и ситца. Иногда, как уже отмечалось, размеры приданого индианок достигали баснословных размеров» [Аверкиева 1961: 118–119].

«В 1930 г., когда я была у квакиютль, формы брака в основном остались те же, изменились только материальные объекты калыма и приданого. Приведу собранные мною сведения относительно брачных обычаев квакиютль. По рассказу одной индианки Форты Руперт, она была выдана замуж еще очень молодой. Калым за нее принимал ее дядя. Калым состоял из 600 шерстяных одеял, стоимостью 5 долларов каждое. Ее отец дал жениху медную доску. За ней приехали все Nimqic; сначала сваты не выходили из лодки. Получив медную доску Nimqic, вышли из лодки. Отец невесты взял обратно медную доску и дал вместо нее 700 одеял и имя. Эти одеяла жених тут же раздал своим соплеменникам и сородичам. После угощения, данного отцом невесты, сваты уехали, увезя с собою и невесту с ее приданым. После смерти отца приношения ее мужу сделала ее сестра. После этого она сама устраивала мужу хаванака;⁴ она передала ему на празднестве, собранном по этому поводу, 700 одеял, обшитых перламутровыми пуговицами, 1060 двадцатипяти центовых монет, 120 серебряных браслетов, 13 плетеных индейских шляп, 60 танцевальных масок, 30 зеркал разных размеров, 9 граммофонов, 1050 эмалированных мисок и медную доску.

Приводимые здесь цифры кажутся сказочными; рассказчица накапливала это состояние в течение нескольких лет, и помогали ей в этом ее родственники. “Жила с мужем до самой смерти, не разводясь с ним”, – подчеркивает она, ибо хаванака освобождала ее от брачных уз. Это был ее второй брак.

⁴Хаванака – обычай, согласно которому жена или ее сородичи устраивают мужу празднество и подносят ему дары.

После смерти мужа эта индеанка вышла замуж в третий раз. Так как ее родители уже умерли, то сватали ее у племянника, и плата в размере 600 одеял была вынесена из лодок сватов и выложена перед домом ее племянника. Она вышла из дома, неся медную доску, и передала ее жениху. Племянник ее тут же взял доску обратно и дал за нее 500 одеял, которые ее жених раздал своим родичам. Когда та же индеанка выходила замуж четвертый раз, то за нее жених платил 500 долларов ее дочери. Дочь же и собирала мать замуж, и устраивала угощение, которое обошлось в 300 долларов. Дочь покупала приданое для матери и подарки ее жениху, всего на тысячу долларов. Это приданое было таково: сахар, мука, 60 шерстяных одеял, 12 сундуков, 300 штук эмалированной посуды, одежды на 40 долларов, 4 женских пальто, 20 пар чулок, джемперы, 16 шелковых платков, 8 индейских шляп, 35 серебряных браслетов. Все это жених роздал своим родичам.

Мы привели полный перечень предметов, составляющих калым и приданое. В более раннюю эпоху и приданое, и калым состояли исключительно из шкур зверей. Теперь же они в основном состоят из фабричных изделий, но наряду с последними фигурируют такие вещи, как индейские шляпы и серебряные браслеты местного кустарного изготовления с орнаментом, характерным для местного искусства. Приданное обычно почти вдвое превышает «калым». Предметы, составляющие «калым» невесты, весьма однообразны, чаще всего это одеяла.

Чем чаще женщина устраивает хаванака своему мужу, тем выше ее честь и честь мужа. Одна старуха устраивала хаванака 5 раз, она передала мужу много лодок и 5 медных досок. А ее дочь, устроив хаванака, передала мужу 15 лодок, много браслетов, танцевальных масок, эмалированной посуды, одеял, мебели и медную доску.

Сейчас почти все индианки летом работают на рыбоконсервных фабриках и зарабатывают в сезон 50–150 долларов. Эти деньги они не тратят, а копят для приданого и для хаванака. Из опрошенных мною 9 индианок Форта Руперт, работавших на фабриках в сезон 1930 г., две заработали по 75 долларов, две – по 50, три по – 100 и две – по 125 долларов. Эти заработки составляют фонд, из которого устраиваются потлачи, хаванака и пр. На повседневные нужды тратят заработки мужей. Мужчины отдают все свои заработки женам, которые ими распоряжаются, самостоятельно ведя все хозяйство. Эту самостоятельность и известную степень преобладания женщин в домашнем хозяйстве (хотя главную роль играет заработок мужчины) можно также объяснить как пережиток матернитета, эпоха господства которого характеризуется приоритетом женщины в домашнем хозяйстве. Характерно и то, что свой заработок женщина хранит отдельно и бережет его только для специальных целей, указанных нами выше» [Аверкиева 1947: 166–167].

«Оригинальный обычай хаванака, по которому женщина за неимением родных время от времени подносит мужу ценные подарки, также можно понять только как пережиток материнского рода. Устраивая мужу хаванака, женщина как бы выкупала себя, обеспечивая себе свободу жить

Рис. 14. Мэри Хант за обработкой кедровой коры, на заднем плане видна циновка в процессе плетения. Форт Руперт. Фото Ю.П. Аверкиевой (№ И-2201 / 86).

с мужем или оставить его. Женщины, не устраивающие подобные хаванака, не в почете, и мужа с ними обращаются плохо. Хаванака, конечно, выгодна и льстит мужу, так как дары подносит ему жена публично, а он тут же их раздает, и тем самым увеличивается его социальный вес» [Аверкиева 1947: 168].

«Самые грандиозные размеры имело подношение со стороны тестя, обозначавшееся термином *хаванака*, который в переводе значит “четыре связанные вместе лодки”. В старину, как рассказывали мне в Форт Руперт в 1931 г., сокровища, предназначенные для передачи зятю, грузились на помост, устраиваемый из длинных досок, положенных поперек четырех связанных вместе лодок, и отво-

зились в селение жениха. Такие подношения устраивали мужьям и сами женщины, и в этих случаях сокровища выставлялись на показ и раздавались в доме. Однако на берегу все равно связывались четыре лодки вместе или на берегу же устраивалось из досок символическое изображение помоста на четырех лодках. Передаваемая во время хаванака медная пластина называлась “мачтой лодки”.

Для хаванака накапливались целые состояния, стоимостью в 2–3 тыс. долларов. Это был последний дар тестя зятю, после чего брак считался аннулированным и женщина могла беспрепятственно вернуться к отцу, который мог вновь выдавать свою дочь замуж. Правда, и супруг мог возобновить брак новым даром отцу жены» [Аверкиева 1961: 104–405].

«В XX в. большое значение стало придаваться также дарам зятя. Сам термин *кадзитлиде* начал интерпретироваться как “калым”. “Мы не любим, чтобы за нас не платили”, – заявила мне одна из жительниц Форты Руперт в 1930 г. Однако диспропорция между “калымом” и дарами тестя осталась прежней (Рис. 14).

Это очевидно из материалов, записанных мною в 1930 г. в Форт Руперт. Например, в одной из записанных мною биографий индейских женщин рассказывается, что первый муж знатной женщины Хемаходаюгвы во время сватовства дал ее отцу 600 одеял, а отец ее поднес зятю большое количество пицци и медную пластину стоимостью в 700 одеял. Он передал зятю также одно из своих имен. Такого же размера “калым” был дан ее сестре вторым мужем, так как отца уже не было в живых. Сестра же передала зятю при зак-

лючении этого брака 900 одеял и медную пластину стоимостью в 1200 одеял и почетное имя. Через год сестра сделала опять подношение (*кохета*) зятю. Кроме этого, сама Хемаходаюгва устроила мужу два больших хаванака. Один раз она передала ему 700 одеял, расшитых перламутровыми пуговицами (Рис. 15); 1060 штук 25-центовых монет, 120 серебряных браслетов, 13 индейских плетеных шляп, 60 масок, 30 зеркал, 9 граммофонов, 1050 штук эмалированной посуды и две медные пластины. Через несколько лет сын брата отца Хемаходаюгвы взял пластину обратно, возместив ее стоимость 7 тыс. одеял.⁵ Третий муж передал брачный дар в 600 одеял внуку отца Хемаходаюгвы. Зятю же была дана

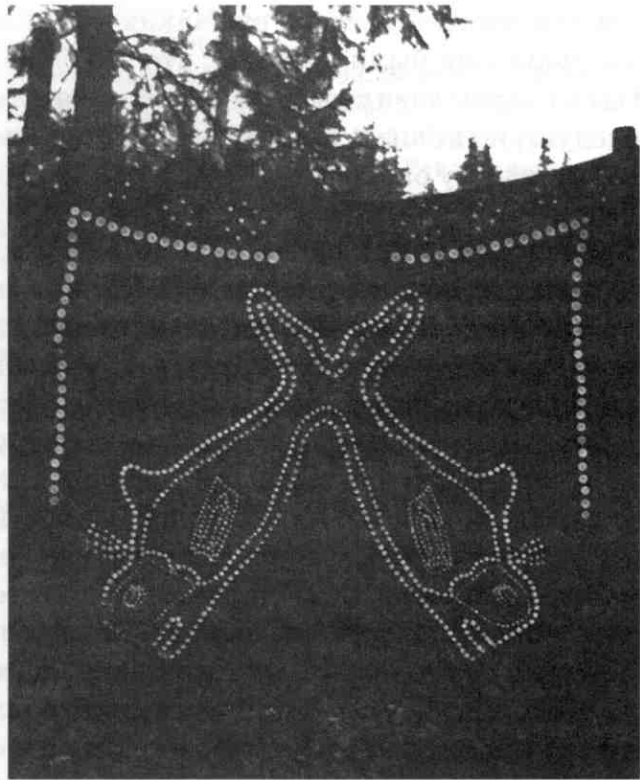

Рис. 15. Церемониальная накидка-одеяло, на которой перламутровыми пуговицами вышита раздвоенная фигура кита-касатки. Фото Ю.П. Аверкиевой (№ И-2201 / 26).

медная пластина стоимостью в 500 одеял. Позже сестра Хемаходаюгвы дала ему другую пластину стоимостью в 700 одеял. После смерти третьего мужа Хемаходаюгва вновь вышла замуж. Брачный дар четвертого мужа состоял из 500 одеял и был передан дочери Хемаходаюгвы. Приданое же состояло из 60 одеял, 12 ящичков, 60 кантонских сундуков, 300 штук эмалированной посуды, 4 женских пальто, 20 свитеров и нескольких пар носков, 16 шелковых платков, 8 индейских шляп, 35 серебряных браслетов. Все эти сокровища оценивались в 1100 долларов. Кроме того, зятю было дано 1000 долларов деньгами и на 120 долларов сахара и апельсинов, на 300 долларов муки. Все это погрузили в лодки и перевезли вместе с женой в селение мужа. «Мы называем такие потлачи *танзела*, когда вещи раздаются в пределах своего селения», – сказал в заключение мой информатор» [Аверкиева 1961: 106–107].

Предание

«Привожу следующий рассказ о войне между маамтагила (род квакиютлей) и южными племенами, записанный мной со слов индейки в Форте Руперт в 1930 г.: «Три южные племени – цама, нонос, нанаймо – приготовились к войне с народом маамтагила. Они приготовили 100 лодок для военной экспедиции. Они проезжали о-ва Цеколетом и Хусан, а народ маамтагила ничего не знал о надвигающейся войне. Его люди в это время

⁵Вообще каждая передача медной пластины зятю была символической, через некоторое время тесть или его сородичи брали ее обратно, возмещая стоимость пластины одеялами, которые зять должен был тут же раздать.

ловили лососей на своих рыбалках и удивлялись, почему рыба не шла в их запруды; они были уверены, что это было каким-то предзнаменованием. Один старик ловил рыбу ночью. И однажды он заметил, что кто-то его преследует, но не знал, кто это был. Слышали также крик вороны и раздумывали, почему она кричит. Тогда один древний старик сказал, что, наверное, кто-нибудь идет на них войной. Однажды ночью все мужчины ушли осматривать рыбные запруды и только старики остались на стоянке. Когда люди вернулись от рыбных запруд, они нашли двух стариков убитыми. Тогда они послали несколько человек в he'lade сообщить о смерти стариков. На следующую ночь южане подъехали к he'lade, маамтагила поднялись на холм klokuplasela и приготовились к войне, ибо знали, что wina⁶ идет кустами. В это время люди не имели ружей, воевали с помощью лука и пращи. Только двое из маамтагила были убиты в битве, а большинство южан были мертвы. Из 100 лодок, в которых они приехали, только 5 успели ускользнуть, а все убитые остались лежать на берегу. Немного ниже охотился один из племени тлеквильток, то же племя квакиютль, он заметил лодки южан, севшие на мель. Они не знали места и сели на мель и никак не могли сняться с неё. Охотник напал на этих людей и убил некоторых из них, а остальные убежали в лес. Они устроили плот для переправы на другую сторону реки, для того чтобы вернуться к своим лодкам. Один охотник на тюленей, увидев этот плот, подумал сначала, что это был тюлень, но, когда он подъехал к ним, убедился в том, что это были южане, убегавшие домой. Он убил их всех своей дубиной для тюленей, отрезал им головы, нагрузив ими лодку, и возвратился домой. Дома он снял скальпы с этих голов. Только два южанина вернулись к себе на родину рассказать своим воинам о случившемся. Это была последняя война маамтагила с южными племенами. Этот рассказ передал мне мой отец» [Аверкиева 1941: 68–69].

Библиография

- Аверкиева Ю.П.* Рабство у индейцев Северной Америки. М.;Л., 1941.
Аверкиева Ю.П. Франс Боас (1858–1942) // КСИЭ. 1946. Вып. 1. С. 101–111.
Аверкиева Ю.П. Пережитки материнского рода у индейцев квакиютль // ТИЭ. Новая серия. М.;Л., 1947. Т. 2. С. 153–173.
Аверкиева Ю.П. Современное положение индейцев и эскимосов Канады // Народы Америки. М., 1959. Т. 1. С. 330–350.
Аверкиева Ю.П. К истории металлургии у индейцев Северной Америки (Обработка меди) // СЭ. 1959а. № 2. С. 61–79.
Аверкиева Ю.П. К истории общественного строя индейцев Северо-западного побережья Северной Америки (род и потлач у тлинкитов, хайда и цимшиан в середине XIX в.) // Американский этнографический сборник. М., 1960. С. 5–126. (ТИЭ. Новая серия. Т. 58).
Аверкиева Ю.П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки // ТИЭ. Новая серия. М., 1961. Т. 70.
Аверкиева Ю.П. Индейское кочевое общество XVIII–XIX вв. М., 1970.
Аверкиева Ю.П. Индейцы Северной Америки. М., 1974.
Аверкиева Ю.П. История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979.
Аверкиева Ю.П. О культе медведя у индейцев Северной Америки // Традиционные культуры Северной Америки и Северной Сибири. М., 1981. С. 142–149.

⁶Wina – божество войны.

Библиография трудов Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1900–1962 / Сост. О.В. Бунакова, Р.В. Каменецкая. Л., 1967.

Боас Ф. Задачи антропологического исследования // СЭ. 1933. № 3–4. С. 176–189.

Боас Ф. Колдовство у индейцев квакиютль // СЭ. 1935. № 4–5. С. 32–39.

Некролог. Юлия Павловна Петрова-Аверкиева // СЭ. 1980. № 6. С. 181–183.

Нитобург Э.Л. Ю.П. Петрова-Аверкиева: ученый и человек // Репрессивные этнографы / Отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М., 2003. Вып. 2. С. 399–428.

Averkieva J., Sherman M.A. Kwakiutl String Figures. Vancouver, 1992.

Boas F., Hunt G. Kwakiutl Texts // Memoirs American Museum of Natural History. New York, 1902. Vol. V.

Boas F. Kwakiutl Tales (new series) // Columbia University Contributions to Anthropology. 1935. Vol. 26. Pt. 1.; 1943. Vol. 26. Pt. 2.

Jonaitis A. From the Land of the Totem Poles. The Northwest Coast Indian Art Collection at the American Museum of Natural History. New York, 2000.

Mead M. An Anthropologist at Work: Writings of Ruth Benedict. Boston, 1959.

Varjola P., Averkieva J.P., Liapunova R.G. The Etholen Collection: The ethnographic Alaskan collection of Adolf Etholen and his contemporaries in the National Museum of Finland. Helsinki, 1990.

White L.A. The Ethnography and Ethnology of Franz Boas // Bulletin of the Texas Memorial Museum. 1963. No. 6.